

Сохраняющиеся теоретические и практические проблемы понимания и реализации норм правового института соглашений, заключаемых между частными инвесторами и публичными партнерами

И. В. Тюрин,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: tyurin.iv@rea.ru

И. А. Федорова,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: fedorova.ia@rea.ru

Continuing Theoretical and Practical Problems of Understanding and Implementing the Norms of the Legal Institution of Agreements Concluded Between Private Investors and Public Partners

I. V. Tyurin,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: tyurin.iv@rea.ru

I. A. Fedorova,

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: fedorova.ia@rea.ru

Аннотация

Предметом настоящего исследования выступает состояние механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся в настоящее время по поводу заключения и реализации инвестиционных соглашений с публичным партнером в Российской Федерации. Для этого в исследовании используются как общенаучные (синтез, анализ, индукция, функциональный метод), так и частно-юридические (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. В частности, для достижения поставленных в исследовании целей был изучен комплекс нормативных правовых актов, принятых в нашей стране на федеральном уровне в целях обеспечения прав и законных интересов частных инвесторов при оформлении ими правоотношений с публичными партнерами, дана обзорная характеристика отдельных норм из указанных документов. Новизна исследования заключается в критическом обзоре отдельных положений актов действующего инвестиционного законодательства и возможности их эффективного осуществления на практике на территории России. Итоговые выводы, сделанные в настоящем исследовании, сводятся к следующим тезисам: российское инвестиционное законодательство пока не демонстрирует единообразного подхода к точному пониманию терминов «инвестиции» и «инве-

стиционные соглашения»; частный инвестор гипотетически может использовать сразу несколько правовых режимов своей деятельности, основанных на нормах разных профильных федеральных законов, однако параметры такого совмещения в законе точно не описаны; отечественные нормативные правовые акты, действующие в сфере регулирования инвестиционного партнерства, зачастую по-разному воспринимают правовую категорию объектов инвестиций, в чем можно увидеть некоторое несовершенство их юридико-технического инструментария в данном вопросе; смешанная отраслевая принадлежность некоторых правовых норм, связанных с денежно-финансовым обеспечением совершения частных инвестиций, и тем самым предлагаемый ими механизм надлежащего правового регулирования пока остаются не до конца определенными; отдельные гарантированные законом права частных инвесторов, в частности, земельно-имущественные, не получили достаточного процедурно-правового сопровождения для их полноценной реализации при осуществлении общефедеральных инвестиционных проектов, чего нельзя сказать о более успешном опыте, отраженном в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные соглашения, инвестиционное законодательство, государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство, защита и поощрение капиталовложений, объекты инвестиций, обязанности инвестора, обеспечение инвестиций, масштабные инвестиционные проекты, аренда земельных участков, законодательство Московской области.

Abstract

The study's subject is the state of the mechanism for legal regulation of public relations currently emerging regarding the conclusion and implementation of investment agreements with a public partner in the Russian Federation. For this purpose, the study uses both general scientific methods (synthesis, analysis, induction, functional method) and private legal methods (historical and legal, formal legal, comparative legal methods). In particular, to achieve the goals set in the study, as the selection of regulatory federal level legal acts adopted in our country was studied in order to ensure the rights and legitimate interests of private investors in cases when they formalize legal relations with public partners, so as the overview of specific norms from these documents was given. The scientific research's novelty lies in the critical review of distinct provisions of the current investment legislation and the possibility of their effective implementation in practice on the territory of Russia. The final conclusions drawn in the study boil down to the following theses: Russian investment legislation does not yet demonstrate a uniform approach to the terms "investment" and "investment agreements" precise understanding; a private investor can hypothetically use several legal regimes for his economic activities at once, based on the norms of different specialized federal laws, however, the parameters of such a combination are not accurately described in these laws; domestic legal acts remaining in force in the field of regulation of investment partnerships often perceive the legal category of investment objects differently, which can be seen as some imperfection of their legal technological tools in this matter; the mixed sectoral affiliation of some legal norms related to the financial support for private investments, and, thus, the mechanism of proper legal regulation they propose, remain both not fully defined yet; private investors' individual rights guaranteed by law, in particular land property rights, have not received sufficient procedural and legal support for their full implementation in the federal investment projects realization sphere, what cannot be said about the more successful experience reflected in the legislation of the Russian Federation regions.

Keywords: investments, investment agreements, investment legislation, public-private partnership, municipal-private partnership, investment protection and promotion, investment objects, investor responsibilities, investment securing measures, large-scale investment projects, land lease, legislation of the Moscow region.

В настоящее время одним из представляющих подлинный научный интерес и несомненно перспективных правовых механизмов осуществления гражданами и организациями инвестиционной деятельности на территории России выступают инвестиционные соглашения, заключаемые с публичным партнером. Сравнительно молодой для российского предпринимательского права, данный институт был введен в отечественное законодательство в связи с принятием Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государствен-

но-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее по тексту – ФЗ о

¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 29 декабря 2022 г.). – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4350.

ГЧП), в пункте 4 статьи 3 которого было впервые представлено определение для тех, кого следует относить к категории публичных партнеров.

Итак, под публичным партнером сегодня официально понимаются: Российская Федерация в лице Правительства Российской Федерации или иного уполномоченного им федерального органа государственной исполнительной власти¹; ее субъекты в лице высшего или иного уполномоченного им регионального органа государственной исполнительной власти; муниципальные образования в лице их глав или иных уполномоченных, согласно уставу, органов муниципальной власти. Как видно, законодатель тем самым заложил для частного инвестора довольно гибкий механизм выбора того, какой территориальный масштаб он вправе охватить в рамках своего инвестиционного проекта: от отдельно взятого поселения до территории всей России.

Впрочем, отечественная теоретико-правовая наука подходила к вопросу о субъектности публичных партнеров достаточно широко еще во времена до принятия вышеупомянутого федерального закона. Так, В. Ф. Попондопуло полагал, что публично-частное партнерство в широком его понимании подразумевает под собой «любые формы взаимодействия государства и бизнеса в целях решения социально-экономических задач» [9. – С. 82] абсолютно независимо от того, какой субъект государство в конкретном случае представляет и какие возложенные на него задачи решаются.

При этом специалистами особо подчеркивается, что публичным партнером выступает не сам уполномоченный орган, даже высший в своей ветви власти, а представляемое им публично-правовое образование [2. – С. 39], которое зачастую может ошибочно восприниматься как чисто формальный участник складывающихся правоотношений. На наш взгляд, это действительно

важно и с юридической, и с экономической точек зрения, поскольку именно самостоятельная имущественная база каждого публично-правового образования, основанная на полноте соответствующей казны, ложится в экономическую основу будущего публично-частного партнерства. Хозяйственные же возможности отдельно взятого органа власти и управления всегда будут упираться в границы его непосредственного ведомственно-казенного обеспечения.

Небезынтересным фактом из области актуальных вопросов юридической техники, обнаруживаемым в тексте ФЗ о ГЧП, является то обстоятельство, что при всем первенстве места, фактически отданном правовому обеспечению привлечения инвестиций в российскую экономику как самой главной цели принятия данного федерального закона (если исходить из дословной трактовки части 1 статьи 1 ФЗ о ГЧП), само понятие «инвестиции» в законе вообще никак не раскрывается, даже несмотря на наличие выступающей в качестве глоссария статьи 3. При этом в тексте закона активно используются производные словосочетания, дефиниции к которым также там не даются, как-то: инвестиционная деятельность (статья 8), инвестиционная программа (статья 12), объем и окупаемость инвестиций (статья 15).

В связи с этим постараемся отыскать самостоятельное «работающее» определение для инвестиционного соглашения, в том числе заключаемого между частным и публичным партнерами, учитывая то обстоятельство, что де-факто в первую очередь это соглашение о предстоящих инвестициях. Представляется, что пункт 3 статьи 3 ФЗ о ГЧП на текущий момент характеризует соглашение о государственно- или муниципально-частном партнерстве скорее со стороны его узаконенной формализованности (о чем говорят отраслевая принадлежность соглашения, его срок, наличие общих условий и порядка его заключения), нежели со стороны установления реальных, экономически и юридически значимых целей и задач его заключения.

Сегодня, Впрочем, как и раньше, понимание смысла и содержания инвестиционных соглашений в юридической литературе представлено в заметно широком диапазоне. Так, Д. Н. Бахрах предлагал считать их самостоятельной разно-

¹ В июле 2021 г. в данный пункт был также добавлен орган публичной власти федеральной территории в связи с внесением соответствующих поправок в часть 1 статьи 67 Конституции Российской Федерации в 2020 г. (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») и последующим принятием Федерального закона от 22 декабря 2020 г. №437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 52 (часть I). – Ст. 8583.

видностью административных договоров¹. Другие авторы, исходя уже из чисто цивилистического восприятия природы соглашений и ставя знак равенства между договором и соглашением, рассматривают инвестиционные соглашения как принципиально новый вид гражданско-правовых договоров, специально не поименованный в гражданском законодательстве [3. – С. 39; 5. – С. 112]. Есть и такая позиция, согласно которой инвестиционное соглашение нельзя свести просто к одному, конкретно заключаемому только между сторонами инвестиционного правоотношения виду договоров, ведь оно представляет собой целую совокупность договоров, как поименованных, так и непоименованных в гражданском законодательстве Российской Федерации, причем применяемых не только в инвестиционных отношениях [6. – С. 25].

Остановимся здесь на той очевидной мысли, что дать единое и устраивающее всех представителей науки определение инвестиционному соглашению по-прежнему действительно сложно, однако все же есть общий момент, объединяющий все разрозненные и даже противопоставленные друг другу подходы к определению таких соглашений: они всегда заключаются в связи с совершением инвестиций, и инвестиционная деятельность является их непосредственным предметом.

Сложившаяся за многие годы система инвестиционного законодательства России и накопленные популярные практики применения его норм показывают, что инвестиционные соглашения действительно были и будут востребованы в нашей стране для воплощения в жизнь всевозможных инвестиционных проектов. Впрочем, напомним читателю, что исторически в Российской Федерации конструирование правового института инвестиционных соглашений происходило одновременно в нескольких основополагающих нормативных правовых актах по мере их принятия, и сводить все правовое регулирование заключения и исполнения инвестиционных соглашений исключительно к положениям ФЗ о ГЧП никак нельзя.

Помимо ФЗ о ГЧП, правовому регулированию договорных (основанных на соглашениях сторон) режимов частно-публичного инвестиционного

взаимодействия де-факто посвящены нормы Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»² (об этом прямо свидетельствует содержание части 1 статьи 3 данного закона), Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»³ (далее – ФЗ о ЗПК; часть 1 статьи 10 названного закона описывает правовую сущность соглашений о защите и поощрении капиталовложений).

Более того, во исполнение отдельных положений действующих законодательных актов в Российской Федерации были приняты подзаконные ведомственные акты, устанавливающие правила заключения и исполнения инвестиционных соглашений для отдельных видов экономической деятельности, даже достаточно узких по своему профилю. В качестве наглядных примеров приведем здесь инвестиционные соглашения, заключаемые при добыче металлов платиновой группы на отдельных участках недр⁴, или соглашения об осуществлении инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации⁵.

Отметим, что, таким образом, сложность выработки единого теоретического подхода к восприятию правового института инвестиционных соглашений, о которой уже говорилось ранее, дополняется воочью наблюдаемой сложностью

² Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (часть II). – Ст. 3126.

³ Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (в ред. от 21 ноября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (часть I). – Ст. 1999.

⁴ Форма и содержание таких соглашений регулируются Приказом Минфина России от 3 апреля 2023 г. № 40н «Об инвестиционных соглашениях о добыче металлов платиновой группы на участках недр, указанных в пункте 3.1 статьи 342.10 Налогового кодекса Российской Федерации» (ред. не изменялась, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> 24 мая 2023 г.).

⁵ Форма и содержание таких соглашений регулируются Приказом Минвостокразвития России от 13 августа 2020 г. № 110 «Об утверждении примерной формы соглашения об осуществлении инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (ред. не изменялась, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> 22 декабря 2020 г.).

¹ Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. – М.: Норма, 2000. – С. 341.

устройства системы регулирующих этот институт нормативных правовых актов.

Теперь перейдем к непосредственному описанию общей правовой модели поведения сторон, выстраиваемой инвестиционными соглашениями, заключаемыми с публичным партнером. Суть взаимодействия субъектов инвестиционного правоотношения тут такова: основной инвестор (говоря языком ФЗ о ГЧП, частный партнер) в рамках соглашения, заключенного с публичным партнером в целях реализации инвестиционного проекта, имеющего полезный социально-экономический эффект¹, получает не просто некую свободу хозяйственной деятельности, ограниченную лишь общими требованиями закона и правилами самого соглашения, но и целый набор четко очерченных прав и предпочтений.

Частный инвестор наделяется не только имущественными правами на образующуюся прибыль (что, безусловно, является главной целью его деятельности), но и иными имущественными правами, причем прямо гарантированными государством при их реализации. В частности, при реализации инвестиционных соглашений с публичным партнером частный инвестор вправе рассчитывать на то, что публичный партнер будет принимать адекватные меры по цено- и тарифообразованию в отношении товаров, работ и услуг (если их цены (тарифы) являются регулируемыми) таким путем, чтобы это объективно учитывало параметры капиталовложений инвестора, совершенных в целях реализации данных товаров, работ и услуг (в соответствии с частью 3 статьи 15 ФЗ о ГЧП).

Однако мы справедливо полагаем, что действующее законодательство вполне допускает комплексное использование гарантий частному инвестору согласно нормам ФЗ о ГЧП вместе с гарантиями, которые прописаны в том же ФЗ о ЗПК. К сожалению, в ФЗ о ЗПК нет точного и прямого указания на возможность синхронного совмещения двух инвестиционно-правовых режимов (т. е. когда заключены сразу два соответствующих соглашения), хотя нет и прямого запрета на такое совмещение.

Более того, содержание ряда статей ФЗ о ЗПК позволяет говорить о том, что закон не рассмат-

ривает данное совмещение как противоправное и нежелательное, а, наоборот, допускает его: речь идет, например, о содержании пункта 8 части 6 статьи 11 или корреспондирующего ему пункта 7 части 7 все той же статьи 11, а также наиболее ярко иллюстрирующего наш тезис пункта 5 статьи 12 ФЗ о ЗПК.

Единственное, о чем здесь категорически нельзя забывать: ФЗ о ЗПК достаточно строго ограничивает набор сфер экономической деятельности, для которых могут заключаться подобные соглашения. Так, часть 1 статьи 6 данного закона исключает из числа этих сфер такие виды деятельности, как игорная, нефте- и газодобыча и последующее производство жидкого топлива (кроме сжиженного газа), торговая, профессиональная финансовая и некоторые другие.

Более того, часть 1.1 этой же статьи 6 ФЗ о ЗПК де-факто уточняет, в каких случаях тот или иной инвестиционный проект будет предметно относиться к одной из перспективных сфер социально-экономического развития нашей страны (главным образом здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, цифровизации экономики, охраны окружающей среды, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, транспорта, туризма). Иными словами, инвестор, чей проект по своим параметрам не попадает в рамки, строго заложенные положениями ФЗ о ЗПК, не сможет рассчитывать на заключение соответствующего соглашения о защите и поощрении своих капиталовложений.

Справедливости ради отметим, что и ФЗ о ГЧП не рассматривает абсолютно любую экономическую деятельность в качестве законного объекта соглашений о партнерстве между частными и публичными участниками инвестиционных правоотношений. В частности, статья 7 ФЗ о ГЧП в своей части 1 дает закрытый перечень таких объектов, включающий в настоящий момент 22 позиции.

Потенциальным нареканием к такому подходу, обнаруженному в юридической технике законодателя в статье 7 ФЗ о ГЧП, помимо других возможных в отношении него замечаний, является то, что, во-первых, в одном перечне смешаны не всегда однородные виды объектов инвестирования (по смыслу нормы части 1 они преимущественно недвижимые, хотя там фактически попадают и упоминания вполне движимых автомобильных транспортных средств и даже объектов интеллектуальной собственности в форме про-

¹ Такой вывод о необходимости достижения соответствующего эффекта можно сделать по смыслу норм пунктов 1, 2 и 9 части 3 статьи 8 ФЗ о ГЧП.

грамм для ЭВМ, баз данных, информационных систем и интернет-сайтов).

Во-вторых, на наш взгляд, в означенной части статьи 7 ФЗ о ГЧП более утилитарным было бы повсеместное использование понятия не отдельных объектов, а отдельных видов деятельности, сопряженных с этими объектами, поскольку это бы зеркально соотносилось с формулировками из ФЗ о ЗПК, который также, безусловно, неоднократно оперирует в своем тексте термином «объект», но в статье 6 использует термин «деятельность», который все же представляется ключевым, поскольку именно деятельность подразумевает возможность или невозможность получения инвестором законного права на заключение «защитного» инвестиционного соглашения.

Говоря объективным языком, ФЗ о ЗПК вообще не использует словосочетание «объект соглашения» в своем тексте, в отличие от все того же ФЗ о ГЧП, однако позволим себе сейчас не вдаваться в более глубокую дискуссию относительно того, правильно ли законодатель использует такое словосочетание на фоне сложившихся в среде теоретиков российского права доктринальных установок, оставляя читателю возможность самостоятельно ознакомиться с существующими в ней главенствующими позициями.

Теперь перейдем к примерам тех положительно оцениваемых нами гарантий защиты прав частных инвесторов, которые можно наблюдать в отдельных положениях ФЗ о ЗПК. В частности, такие инвесторы, заключившие специальные соглашения о защите и поощрении их капиталовложений, могут применять при осуществлении своей деятельности так называемые стабилизационные оговорки (предусмотрены в статье 9 данного закона). Данное явление известно не только современному российскому законодательству, но и отечественной правовой науке, которая уже подчеркивала его глубокие корни, уходящие еще во времена римского права [4. – С. 19]. Более того, отметим, что в самих российских нормативных правовых актах подобная конструкция встречается еще со времен зарождения инвестиционного законодательства в переходный период 1990-х гг., однако, как подчеркивают правоведы в своих исследованиях той поры, неточность и декларативность первичной модели стабилизационной оговорки вряд ли делали ее утилитарной для инвесторов [1. – С. 73].

Говоря простым языком, при использовании в инвестиционных правоотношениях такой оговор-

ки к частным инвесторам не применяются нормативные правовые акты либо правоприменительные решения, ухудшающие их правовое положение в течение периода реализации инвестиционного проекта. С другой стороны, перечень случаев того, что можно считать ухудшением правового положения инвестора, от усмотрения самого инвестора зависит мало: все возможные ситуации описаны строго в закрытых и не предполагающих расширительного толкования перечнях в частях 1 и 3 статьи 9 ФЗ о ЗПК. Кроме того, часть 7 статьи 9 напоминает о том, что оговорка не распространяется на нормативные правовые акты, защищающие публичные интересы при возникновении различных обстоятельств, которые можно отнести к форс-мажорным (при обеспечении обороны государства, противодействии терроризму и др.).

И все-таки при всех достоинствах, в том числе показанной нами универсальности модели регулирования, положения ФЗ о ЗПК не охватывают создаваемым ими защитным режимом абсолютно все варианты инвестиционных соглашений и приравненных к ним документов. Например, в статье 111.4 небезызвестного Федерального закона от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ можно увидеть специальный правовой режим, предусмотренный для государственных и муниципальных закупок, по результатам которых заключаются контракты с так называемыми встречными инвестиционными обязательствами (российские органы государственной власти и научная доктрина также именуют их как «офсетные контракты» – см., например, Письмо Минфина России от 21 декабря 2021 г. №24-03-08/104169 «О направлении информации по вопросам заключения офсетных контрактов»² [10. – С. 51], которое официально опубликовано не было). Тем не менее на всем протяжении нормативного текста ФЗ о ЗПК увязка соответ-

¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – №14. – Ст. 1652.

² Письмо Минфина России от 21 декабря 2021 г. №24-03-08/104169 «О направлении информации по вопросам заключения офсетных контрактов» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404188/.

ствующих соглашений с правоотношениями, вытекающими из совершения публичных закупок и имеющими инвестиционный характер, совершенно не видна читателю (в отличие от того, как это обстояло с тем же частно-публичным партнерством – *И. Т., И. Ф.*). Даже в статье 14 ФЗ о ЗПК, описывающей связанные договоры (договоры, не являющиеся сами по себе инвестиционными соглашениями, но направленные на содействие реализации инвестиционных проектов), никакой связи с публичными закупками, имеющими признаки инвестиционных отношений, увы, не прослеживается.

Вернемся к описанию правового механизма, выстроенного на основе норм ФЗ о ГЧП, и предостережем читателя от возможного заблуждения, которое у него может ненароком сложиться: формирующиеся в рамках частно-публичного партнерства правоотношения никак нельзя считать односторонними, исключительно упривоживающими лишь частного инвестора. Ради общей справедливости отметим, что, помимо прав и их гарантий, в инвестиционные соглашения, подписываемые с публичными партнерами, включаются, безусловно, и обязанности частных инвесторов.

Другое дело, что найти полный и окончательный перечень таких обязанностей частного партнера в нормах ФЗ о ГЧП представляется не самой простой задачей, поскольку эти обязанности фактически разбросаны по разным статьям закона. Несмотря на эту сложность восприятия содержания данного нормативного правового акта, постараемся назвать подходящие для ответа на поставленный нами вопрос законодательные нормы.

Итак, сюда можно, к примеру, отнести следующие обязанности: исполнять соглашение о частно-публичном партнерстве своими силами и отвечать за неправомерные действия привлеченных согласно положениям такого соглашения третьих лиц (часть 6 статьи 5 ФЗ о ГЧП); соответствовать всем требованиям, предъявляемым к лицам, планирующим стать частными партнерами, до заключения соглашения, а также к самим партнерам во время действия уже заключенного соглашения (этот вывод очевидно следует из содержания части 8 статьи 5 ФЗ о ГЧП, хотя закон в пункте 5 статьи 3 прямо не разделяет указанных лиц на две такие категории); передавать объект соответствующего инвестиционного соглашения в собственность публичного партнера

до истечения установленного в соглашении специального срока (на основании пункта 4 части 3 статьи 6 ФЗ о ГЧП).

Последняя из упомянутых выше обязанностей относится только к случаям, когда капиталовложения публичного партнера, совершенные в отношении объекта, превышают инвестиции самого частного партнера. На наш взгляд, в комментируемой норме ФЗ о ГЧП касательно превышения объема инвестиций, поступивших от публичного партнера, следовало бы использовать дополнительно наречие «существенно», иначе сопоставление объемов сделанных капиталовложений может стать сугубо формально-математическим, и превышение суммарного объема инвестиций со стороны публичного партнера даже на некий условный рубль уже будет давать ему преимущественное право на получение объекта соглашения. Вопрос определения размера подобного существенного превышения объема инвестиций во избежание появления слишком разнородных практик представляется возможным отнести к компетенции не самих многочисленных публичных партнеров, а исключительно Правительства Российской Федерации, насколько это позволяет сделать пункт 5 части 1 статьи 16 ФЗ о ГЧП.

Также по тексту ФЗ о ГЧП можно встретить обязанности частного инвестора, которые он будет исполнять не в любой сфере выбранной им инвестиционной деятельности, а только при достаточно узко определенном предмете соглашения о публично-частном партнерстве. Так, производство товаров, выполнение работ или оказание услуг частным инвестором по регулируемым ценам/тарифам предполагает, что такой партнер берет на себя обязательство привлечь для этого финансирование в заранее оговоренном объеме, который при этом будет обеспечен в целях создания объекта соглашения в течение всего срока его действия (как гласит часть 6 статьи 12 ФЗ о ГЧП).

Здесь, кстати говоря, возникает очевидный вопрос, о каких же видах обеспечения исполнения обязательств частного партнера заходит речь в данной статье закона. Ответ на поставленный вопрос можно обнаружить в пункте 9 части 2 все той же статьи 12 ФЗ о ГЧП, где в числе таких видов обеспечения названы: предоставление независимой гарантии (но только в форме банковской гарантии), залог прав частного инвестора по договору банковского счета, а также страхование риска его ответственности за нару-

шение обязательств, предусмотренных в соглашении о партнерстве.

Отметим для читателя, что, на наш взгляд, формулировки, связанные с обеспечением обязательств и представленные в части 6 статьи 12 ФЗ о ГЧП, выглядят не во всем удачными. Так, «обеспечение частным партнером своих обязательств по привлечению финансирования» может оцениваться как конструкция, скорее, финансово-правовая, нежели гражданско-правовая. Это подтверждается сравнительно-аналитическим изучением содержания конкретных правовых норм: правовой институт финансирования традиционно является частью предмета правового регулирования бюджетного законодательства, в то время как гражданское законодательство Российской Федерации де-факто увязывает понятие финансирования только с правоотношениями, образующимися в связи с заключением и исполнением договоров факторинга. Более того, в самом ФЗ о ГЧП часто используемый по тексту термин «финансирование» никакой самостоятельной дефиниции так и не получил. Представляется, что здесь речь идет все же о специальной форме предоставления средств на заемно-кредитной основе, имеющей известное науке легальное основание в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), со стороны субъектов, которые обозначены в пункте 6 статьи 3 ФЗ о ГЧП как финансирующие лица. Поэтому законодатель, сохраняя текст нормативного акта именно в такой редакции, не только смешивает понятия кредитования и финансирования (подробнее об их разделении см., например, работы [7; 8]), но и выходит за допустимые юридико-технические пределы совмещения терминов из разных по своей природе отраслей российского права в отдельно взятом федеральном законе.

Определенный интерес здесь представляет то обстоятельство, что, если независимую гарантию и залог прав можно встретить в качестве известных всем цивилистам традиционных способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств (в параграфах 3 и 6 главы 23 части 1 ГК РФ¹), то вот страхование риска ответственности стороны обязательства как самостоя-

тельный способ обеспечения там прямо не упоминается.

Впрочем, если вчитаться в часть 1 статьи 329 ГК РФ и правильно уяснить ее смысл, то становится понятно, что диспозитивность подхода законодателя, представленная в ФЗ о ГЧП в связи с вопросом выбора способов обеспечения исполнения обязательств частных партнеров по инвестиционным соглашениям, является все же правомерной: допускаются и иные способы обеспечения, даже не поименованные в ГК РФ, если они установлены непосредственно в законе или даже в договоре между сторонами обязательства.

Теперь постараемся от чисто теоретического взгляда на правовые конструкции, заложенные в ФЗ о ГЧП, перейти к описанию практических трудностей, нередко возникающих при реализации этих конструкций в действительности. Для решения этой научной задачи обратимся к механизму осуществления законных прав и преференций частными инвесторами в земельно-имущественной сфере, где до сих пор такие партнеры могут сталкиваться с некоторой процедурной спецификой или даже с ощутимыми техническими сложностями.

Начнем с того, что при претворении в жизнь инвестиционных проектов любой частный инвестор вправе получить законные вещные права на находящийся в государственной или в муниципальной собственности земельный участок для осуществления им последующей инвестиционной деятельности в упрощенном порядке, т. е. без проведения торгов (как это указано в части 1 статьи 33 ФЗ о ГЧП).

Ответ на вопрос, как же этого добиться процедурно, как гласит все та же часть 1 статьи 33, может быть наблюдаем при обращении к нормам актуального земельного законодательства Российской Федерации. Еще пунктом 21 статьи 1 Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² на территории России был официально внедрен организационно-правовой механизм предоставления

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3377.

без торгов земельного участка, находящегося в собственности государства или муниципального образования, в аренду при условии исполнения арендатором масштабного инвестиционного проекта.

В соответствии с пунктами 2 и 3 части 2 статьи 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации¹ (далее – ЗК РФ) земельные участки могут быть переданы на праве аренды без проведения торгов на основании распоряжения Правительства Российской Федерации, если масштабный инвестиционный проект соответствует всем критериям, установленным все тем же Правительством Российской Федерации, либо на основании распоряжения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, опять же при условии соответствия таких проектов всем критериям, которые российские регионы устанавливают самостоятельно.

Далее, договор аренды земельного участка, заключенный в соответствии с описанными выше положениями статьи 39.6 ЗК РФ, не может иметь своим сроком период, являющийся большим, чем срок реализации масштабного инвестиционного проекта. Это обстоятельство сегодня уточняется в пункте 8.5 части 8 статьи 39.8 ЗК РФ. Однако его появление там произошло далеко не сразу: эта правовая норма была введена на основании единственного положения Федерального закона от 1 мая 2022 г. №123-ФЗ «О внесении изменения в статью 39.8 Земельного кодекса Российской Федерации»². Таким образом, до вступления в силу данного закона в действие 12 мая 2022 г. сроки арендного договора и реализации самого инвестиционного проекта фактически могли не совпадать, и это было вполне законно.

Описанное положение вещей позволяет сделать очевидный вывод о том, что в продолжительный период с 2015 (когда вступили в юридическую силу описанные выше нормы из федерального закона 2014 г.) по 2022 г. законные интересы как инвесторов-арендаторов, так и публичных арендодателей могли регулярно нахо-

диться под угрозой при недостижении «синхронности» сроков договора аренды земельного участка и реализации масштабного инвестиционного проекта.

Так, отсутствие единообразного срока могло порождать риски для частного инвестора, например, если срок договора аренды определялся в объеме, значительно меньшем, чем срок реализации инвестиционного проекта, так как это, бесспорно, вызывало к жизни дополнительные бюрократические и технические процедуры, направленные на заключение нового договора аренды.

Это, в свою очередь, могло приводить к опасности временной приостановки реализации масштабных инвестиционных проектов на арендуемых земельных участках в междоговорный период и, как следствие, к опасности несения убытков инвестором. С другой стороны, срок реализации инвестпроекта, намного уступающий сроку заключения договора аренды земельного участка, юридически «связывал» руки арендодателю, который не мог до окончательного истечения арендного срока полностью реализовывать свои права собственника земли, в том числе в форме передачи земельного участка новому арендатору.

С сожалением отметим, что еще один важный с организационно-процедурной точки зрения элемент земельного законодательства России – Федеральный закон от 25 октября 2001 г. №137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»³ – не содержит в своих нормах никаких разъяснений касательно того, как применять приведенные ранее по тексту положения статей 39.6 и 39.8 ЗК РФ тем арендаторам, кто вступил в соответствующие земельные и инвестиционные правоотношения с арендодателями в период 2015–2022 гг. с расходящимися формальными сроками длительности этих правоотношений.

Перейдем к другим «подводным камням», связанным с обозначенной нами земельно-инвестиционной тематикой. Учитывая то, что иных разъясняющих нормативных положений, за исключением процитированных выше, в части земельно-правового регулирования реализации

¹ Земельный кодекс Российской Федерации (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

² Федеральный закон от 1 мая 2022 г. №123-ФЗ «О внесении изменения в статью 39.8 Земельного кодекса Российской Федерации» (ред. не изменялась) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 18. – Ст. 3009.

³ Федеральный закон от 25 октября 2001 г. №137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4148.

масштабных инвестиционных проектов ЗК РФ не содержит, попробуем отыскать их в других российских правовых актах. Примером здесь может послужить Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 1603 «Об утверждении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного назначения и масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в федеральной собственности, в аренду без проведения торгов»¹ (далее – ПП № 1603), утвердившее критерии соответствия для подобных инвестиционных проектов, реализуемых в границах арендуемых земельных участков из состава федеральной собственности.

В соответствии с положениями ПП № 1603 для предоставления земельного участка из состава федеральной собственности при реализации масштабного инвестиционного проекта инвестору необходимо подтвердить, что в ходе реализации данного проекта будет действительно возведен некий объект/объекты, позволяющие увеличить на определенную величину количество рабочих мест на муниципальном уровне или объем взимаемых в границах муниципального образования налогов либо предназначенные для целей социального найма или передачи в собственность гражданам, которые были лишены своего жилья вследствие возникновения чрезвычайных ситуаций (абзацы 2–4 пункта 2 ПП № 1603).

С сожалением наблюдаем достаточно неоправданный лаконизм данного нормативного акта: ПП № 1603 никак не определяет ни термин «масштабный инвестиционный проект» (подобно тому, как это обстояло с ЗК РФ), ни общий порядок обращения потенциальных инвесторов к уполномоченному федеральному органу государственной власти для получения земельных участков, ни сам такой орган власти, уполномоченный на рассмотрение документов, обосновывающих соответствие критериям, прописанным в

ПП № 1603. Перечень этих документов, какие-либо формальные требования к ним, сроки принятия решений по предоставлению земельных участков в аренду без проведения торгов, основания для отказа в таком предоставлении там также отсутствуют как таковые.

Усугубляет данную ситуацию и тот факт, что текст ПП № 1603 с момента его принятия не претерпел никаких дальнейших изменений. Все это ярко свидетельствует о сохраняющейся неполной правовой определенности в части предоставления земельных ресурсов для целей реализации масштабных инвестиционных проектов на территории Российской Федерации, порождающей, помимо прочего, и осязаемые коррупционные риски при оформлении соответствующих правоотношений их участниками.

Попытаемся хотя бы в теории понять, как можно изменить сложившееся положение вещей в пользу реализации основных законных интересов инвесторов. В первую очередь необходимо определиться с органом государственной власти, в достаточной мере компетентным в вопросе предоставления земельных участков для их использования в инвестиционно-проектных целях.

В соответствии с Положением о Министерстве экономического развития Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. №437², Минэкономразвития России выступает в качестве специального органа в сфере инвестиционной деятельности: согласно абзацу 1 пункта 1 ПП № 1603 он уполномочен осуществлять функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в этой сфере. Во всяком случае пункт 5.3.76 (1.2) данного нормативного документа позволяет Министерству легально содействовать реализации инвестиционных проектов на территории нашей страны. В связи со всем вышесказанным предположим, что именно Минэкономразвития России должно рассматривать представленные будущими инвесторами документы, обосновывающие соответствие масштабного инвестиционного проекта всем критериям, определенным в ПП № 1603.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 1603 «Об утверждении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного назначения и масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в федеральной собственности, в аренду без проведения торгов» (ред. не изменялась) // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 2. – Ст. 505.

² Положение о Министерстве экономического развития Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 437В (ред. от 22 февраля 2023 г.) // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2867.

Косвенно наше предположение о компетенции Министерства в означенном вопросе подтверждает такой исторический прецедент. В описываемом случае Департамент недвижимости Минэкономразвития России непосредственно рассмотрел направленное ему обращение по вопросу предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. В письме от 26 июня 2015 г. №Д23и-2965¹ (в ответ на вопрос о документах, необходимых для предоставления земельного участка, находящегося в федеральной собственности, в аренду без проведения торгов для реализации масштабных инвестиционных проектов) Минэкономразвития России официально признал фактический пробел в российском законодательстве в части отсутствия в нем специального нормативного документа, определяющего порядок подтверждения отнесения проекта к категории масштабных инвестиционных. Однако только лишь констатацией данного прискорбного факта Министерство в этом случае и ограничилось: в течение последующих 8 лет им не было сделано ни одного дополнительного шага в целях позитивного исправления наблюдаемой ситуации.

В отличие от приведенных положений общероссийского земельного законодательства нормы в правовых актах субъектов Российской Федерации, принятых для реализации инвестиционных проектов уже не на федеральном, а на региональном уровне, «осязаемы» и выглядят вполне конкретно. В то же время легальное выделение земельных ресурсов под нужды региональных инвесторов основано на букве федерального закона: это прямо предписано в пункте 3 части 2 статьи 39.6 ЗК РФ, где снова упоминаются именно масштабные инвестиционные проекты.

В качестве одного из успешных примеров правовой регламентации процедуры предоставления вещных прав на земельные участки для масштабных инвестиционных целей в российских регионах приведем некоторые нормативные акты Московской области. Так, Закон Московской области от 18 марта 2015 г. №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного

и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов»² (далее – Закон МО) полностью в соответствии со своим названием устанавливает критерии для любого масштабного инвестиционного проекта, на основании точного следования которым по решению компетентного органа, уполномоченного распоряжением губернатора Московской области, инвестору предоставляется земельный участок в аренду без проведения торгов.

Представляется интересным то обстоятельство, что Закон МО не только воспроизводит привнесенные нами ранее отдельные нормативные положения из ПП № 1603, но и дополняет их новыми критериальными требованиями: масштабный инвестиционный проект, реализуемый на территории Подмосковья, должен не только положительно повлиять на общее состояние социально-экономического развития Московской области, но и быть непосредственно связанным с приоритетными видами хозяйственной деятельности, насчитывающими 12 наименований (как гласят пункты «а» и «г» статьи 3 Закона МО).

Однако высший орган государственной исполнительной власти Московской области в вопросе решения всех процедурных формальностей передачи прав на земельные участки инвесторам пошел несколько дальше, чем это было сделано на федеральном уровне. Это прямо подтверждает принятое буквально через месяц после подписания Закона МО Постановление Правительства Московской области от 22 апреля 2015 г. № 272/13 «Об утверждении Перечня и порядка рассмотрения документов, обосновывающих соответствие объекта социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабного инвестиционного проекта критериям, установ-

¹ Письмо Минэкономразвития России от 26 июня 2015 г. №Д23и-2965 // Строительство: акты и комментарии для бухгалтера. – 2015. – № 9.

² Закон Московской области от 18 марта 2015 г. №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов» (в ред. от 06 июля 2023 г.). Опубликовано 19 марта 2015 г. на интернет-портале Правительства Московской области (<http://mosreg.ru>).

ленным Законом Московской области №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов», и заключения, изменения и расторжения соглашения между Правительством Московской области и юридическим лицом, планирующим осуществить строительство такого объекта (реализацию проекта) на земельном участке, предоставляемом в аренду без проведения торгов в соответствии с распоряжением Губернатора Московской области»¹ (далее – ПП МО).

Приведенный нами выше акт Правительства Московской области в своем тексте действительно устанавливает следующее: перечень документов, представляемых будущим инвестором для подтверждения соответствия своего масштабного инвестиционного проекта критериям, установленным законодательством Московской области (требуемые документы отражены в подпункте 11 пункта 2 и в подпунктах 6.1–6.8 пункта 6 Перечня и порядка рассмотрения обосновывающих документов, утвержденных ПП МО); сроки рассмотрения указанных документов (под-

пункты «а»–«г» пункта 7 Перечня и порядка рассмотрения обосновывающих документов, утвержденных ПП МО); органы государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченные участвовать в рассмотрении данных документов (подпункт 2 пункта 2 и подпункт «е» пункта 7 Перечня и порядка рассмотрения обосновывающих документов, утвержденных ПП МО); а также содержит в качестве отдельного типового документа (Приложение 1 к Перечню и порядку рассмотрения обосновывающих документов, утвержденным ПП МО) примерную форму соглашения о реализации масштабного инвестиционного проекта на территории Московской области.

Таким образом, даже отдельно взятый подмосковный пример, затронутый нами, в перспективе мог бы быть крайне полезен для учреждения аналогичной федеральной практики по тщательной правовой регламентации процедуры выделения земельных участков под масштабные инвестиционные проекты, но уже на общенациональном уровне.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что на современном этапе в Российской Федерации сложилось достаточно оригинальное, развитое и комплексное законодательство о публично-частном партнерстве в широком его понимании. Однако при более внимательном взгляде на вещи становится очевидно, что при всех уже предпринятых за многие годы законодателем попытках узаконить правовой режим инвестиционных соглашений, удобных для использования сторонами разных форматов указанного партнерства (от концессий до партнерства в узком его понимании), некоторые «подводные камни» все же остаются на месте.

Читателю было продемонстрировано, что они заключаются как в неоднозначности для ясной трактовки формулировок отдельных положений действующих нормативных актов или в отсутствии достаточной системности охвата ими всей полноты круга частно-публичных инвестиционных правоотношений, так и в прикладной сложности или даже невозможности для частных инвесторов полноценно осуществить некоторые свои гарантированные законом права при реализации инвестиционных проектов.

¹ Постановление Правительства Московской области от 22 апреля 2015 г. № 272/13 «Об утверждении Перечня и порядка рассмотрения документов, обосновывающих соответствие объекта социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабного инвестиционного проекта критериям, установленным Законом Московской области №27/2015-ОЗ «Об установлении критериев, которым должны соответствовать объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, масштабные инвестиционные проекты, для размещения (реализации) которых допускается предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в аренду без проведения торгов», и заключения, изменения и расторжения соглашения между Правительством Московской области и юридическим лицом, планирующим осуществить строительство такого объекта (реализацию проекта) на земельном участке, предоставляемом в аренду без проведения торгов в соответствии с распоряжением губернатора Московской области». В ред. от 10 августа 2023 г. Опубликован на Интернет-портале Правительства Московской области (<http://mosreg.ru>) 22 апреля 2015 г.

Список литературы

1. Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России и за рубежом. – М. : Финстатинформ, 1993. – С. 72–75.
2. Кабанова И. Е. Проблемы реализации проектов муниципально-частного партнерства // Гражданское право. – 2017. – № 6. – С. 38–42.
3. Кичихин А., Щербакова Н. Частное жилье – собственность и сделки // Закон. – 1996. – № 8. – С. 38–49.
4. Леднева Ю. В. «Стабилизационная оговорка» в налоговом праве // Финансовое право. – 2020. – № 6. – С. 18–22.
5. Лисица В. Н. Инвестиционный договор // Закон. – 2003. – № 6. – С. 114–116.
6. Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. – М., 2006.
7. Морозов И. Н. Вопросы финансирования, кредитования и страхования инвестиционных и инновационных проектов // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 166–168.
8. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (постатейный) / О. А. Акопян, О. В. Веремеева, Н. С. Воробьев и др.; под общ. ред. Ю. В. Воронина; отв. ред. Н. А. Поветкина. – М. : Проспект, 2022.
9. Попондопуло В. Ф. Публично-частное партнерство: понятие и правовые формы // Арбитражные споры. – 2014. – № 2. – С. 81–100.
10. Смышляев А. В. Формы реализации проектов в сфере государственного частного партнерства: правовой аспект // Юрист. – 2022. – № 11. – С. 47–53.